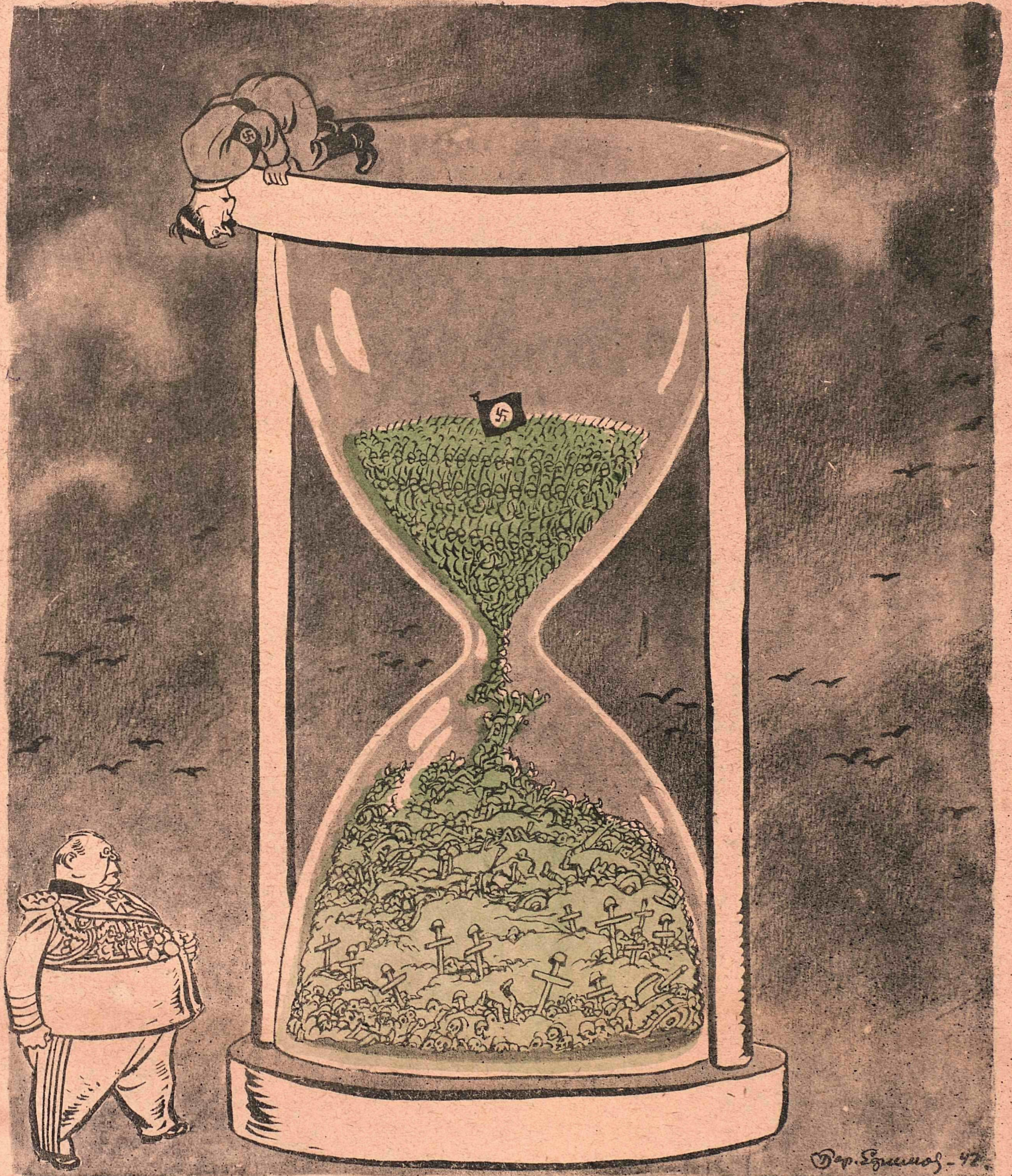

К Р О К О Д И Л

„...Добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!“

(И. Сталин)

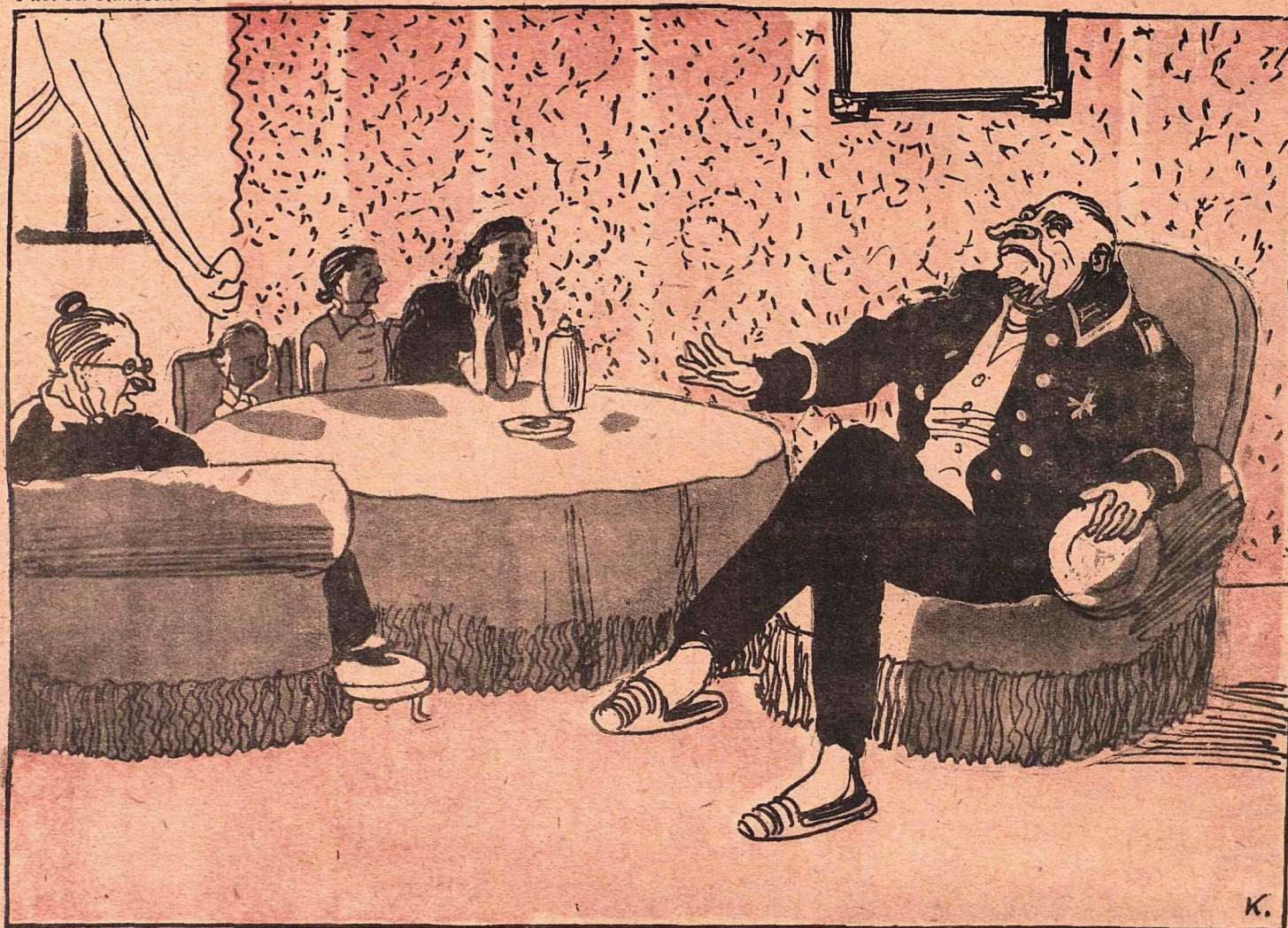

Бор. Ефимов - 42

Рис. Бор. Ефимова

Часы истории.

Рис. А. Каневского

— Больше всего понравилось мне у русского писателя Льва Толстого постельное белье! И Тургенев тоже очень интересен: какое серебро, посуда!.. А вот с Чеховым познакомиться не успел—там до меня стояла наша танковая бригада.

Тяжелая работа

В СМЕЖНОЙ с покоем фюрера комнате дремал дежурный психиатр в белом халате. Беззвучно раскрылась дверь, и осторожно шагая на цыпочках, вошел Гиммлер—руководитель гестапо. Врач вздрогнул и проснулся.

Гиммлер небрежно протянул психиатру руку для пожатия и спросил:

— Ну как?

— Неважно. Состояние у больного тревожное...

Гиммлер нахмурился:

— Надо говорить не «больной», а «фюрер». Ясно?

— Еще бы не ясно! Если даже забудешь, больной... виноват, фюрер сам напомним.

— Ну, вот видите!.. Этакое величие даже в болезни! А чем он вам напоминает о своей высокопоставленности?

— Содержанием бреда.

— Что-о?! Какого еще бреда?

Доктор заморгал глазами и робко произнес: — Я хочу сказать, что наш бесценный фюрер во всем держит себя как фюрер.

— Ну, то-то... Так, говорите, плохо?

— Неважно... Посудите сами, вчера весь день кричал: «Мы победим! Мы скоро победим!»

— Так.

— «Весь мир,— кричит,— будет у моих ног!» Чистый бред!..

— Та-ак...

— Потом вдруг вызывает дежурного генерала. «Приказываю,— говорит,— взять Новосибирск в три дня». Ну, что это?.. Тут под окнами галки, знаете ли, кричат. Сейчас вызвал штурмовиков, говорит: «В порядке моих чрезвычайных полномочий расстреляйте этих галок: они есть внутренние враги, они мне мешают обдумывать мои величественные планы мирового господства...» Ну, что это?..

— Так, так...

— И все время смеется, плачет без причины.

— Как это: без причины? Фюрер у нас добрый. Наверное, жалеет кого-нибудь, поэтому и плачет.

— Как же, жалеет!.. Вчера под вечер он зарыдал, ну, я к нему с валерианкой. А он сидит, нюни распустил, слезы в три ручья... Увидал меня, схватил за руку, орет: «Мало я их, сволочей, убивал, смеют проявлять недовольство-во-вооо!»

Гиммлер помолчал и спросил:

— По-вашему, доктор, никакого просветления в состоянии боль... в состоянии фюрера нет?

— Не скажите. Бывают моменты, когда он говорит очень идеально. «Переведите,— говорит,— мои сбережения в Бразилию». «Не давайте,— говорит,— мне сводок с фронта, не стану я их читать, все равно ничего хорошего там нету». Понимаете? Значит, сообщает все-таки...

— Так, так, так...

— Насчет штурмовиков беспокоится: все ли их пригнали с фронта? Чтобы, значит, на случай внутренних беспорядков...

— Угу.

— А сегодня утром бормочет: «Все равно будет катастрофа». Нет, он все-таки сообщает...

— Та-ак,— Гиммлер скрестил руки на груди.— А знаете, дорогой мой, то, что вы сейчас мне рассказали, показывает, что вы сами либо сумасшедший либо...

Психиатр побледнел, покраснел и упал на колени:

— Клянусь вам, я ж не то хотел сказать... Наш фюрер находится в добром здравии...

Но Гиммлер уже вышел из комнаты. Два

здоровых штурмовика высунулись из-за двери и пальчиками манили к себе врача.

Психиатр поднялся с колен, потоптался на месте и пошел в объятия к штурмовикам.

Больше этого врача в резиденции фюрера не видели. Зато, когда через три дня Гиммлер пришел опять, новый дежурный психиатр бодро рапортовал ему:

— Состояние здоровья фюрера более чем удовлетворительное. Из рта, не переставая, идет пена.

— Отлично!—кивал головою Гиммлер.

— Слышите, какой визг идет? Это у фюрера в очень утешительной форме протекает истерический припа... приступ вдохновения.

— Чудесно!

— Со вчерашнего дня лупит головою об стенку, кирпич уже подался, а голова—хоть бы что!

— Еще бы!

— «Завтра,— говорит,— русские сдадутся на капитуляцию».

— Правильно!

— Сегодня я вошел к фюреру, а он от меня—сиг на шкаф! Я ему: «Примите эту микстуру внутрь». А он: «Ты—внутренний враг, я знаю». Чуете, какое остроумие, игра слов какая?..

— Наш фюрер—величайший оратор современности. А вы, я вижу, отличный врач!

— Стараемся!

Гиммлер похлопал психиатра по плечу и вышел. А психиатр, вытирая пот, пробормотал:

— Кажется, правильно, что я не сказал, как он меня норовил укусить, этот фюрер... Что это там перестал визжать полоумный чорт?.. Пойти поглядеть, уж не расшиб ли себе башку?.. Тоже ведь с меня спросят... Ну и работка мне попалась!

В. АРДОВ

Из фронтовой блокнота

Ланаль является владельцем крупной
фирмы, торгующей пенькой.

Рис. Л. Бродаты

Недоразумение

Бойцы второй роты долго не получали писем. Истосковались по ним — сил нет. Кто от отца с матерью вестей ждет, кто от жены и детей, а кто от девушки.

...Ночью рота чересчур далеко продвинулась. Приказ — дальше не двигаться, ждать подкрепления. Разведка докладывает: в километре от роты находятся немцы, не очень их много, но все-таки, говорят, порядочно. На всякий случай подползли метров на сто к окопам противника. Фрицы ничего не заметили. Но едва не произошел факт демаскировки. Богатырским, «трубным» храпом отличался великан и силач Саша Коновалов, молодой красноармеец, прозванный «дите». Едва «дите» смежло глаза, немцы встревожились и начали пускать ракеты. Командир роты старший лейтенант тов. Петров говорит:

— Разбудить в первую очередь Коновалова, и чтобы было тихо.

Подмога задержалась. А на заре красноармейцы видят волнующую картину. Из блиндажиков и окопов идут два человека, вернее — один человек, а другой — фашист. Один в ватнике, шапка-ушанка набекрень, почтовая сумка через плечо; на другом пилютка, зеленая шинель, автомат в руках. Что тут поднялось, передать невозможно. Бойцы уже не шепчут, а кричат грозно: «Почтаря нашего в плен ведут!» Глядят: вылезли гитлеровцы из окопов и бегут к почтальону. Бойцы, конечно, тоже поднялись и тоже — к почтальону. Кто-то кричит: «Не бывает тому, чтобы наши письма попали в руки поганых фрицев! Выручай, хлопцы, письма!» И началось дело. Немцы ударили из автоматов, пулемета. Бойцы — в штыки. Многие фашисты начали без задержки отправляться на тот свет. А почтальон настолько испугался внезапной атаки, что, дико озираясь, очевидно, не веря собственным глазам, с быстротой пули бросился наутек. Бойцы его котят выручить из беды, бегут за ним, но он дует от них во все лопатки. Мимоходом вышибли немцев из окопов. «Дите» спреб-таки почтальона в охапку и прыгнул с ним в окоп. Противник занял другой окоп, метрах в тридцати. Почтальон дрожит — и ни слова. Бойцы в сумку, а в ней немецкие письма.

— Что же ты, — говорят сии почтальону, — немецкие письма носишь?

Глядь, а у него под ватником немецкий мундир.

Такое произошло недоразумение.

Примерно через полчаса немцы выставили лист фанеры. На нем был нарисован конверт: аккуратный квадрат, от угла к углу четкие линии, в центре ровный четырехугольник — «марка». Под рисунком тщательно выведенная подпись, завершенная восклицательным знаком, похожим на штык:

«Рус, верни!»

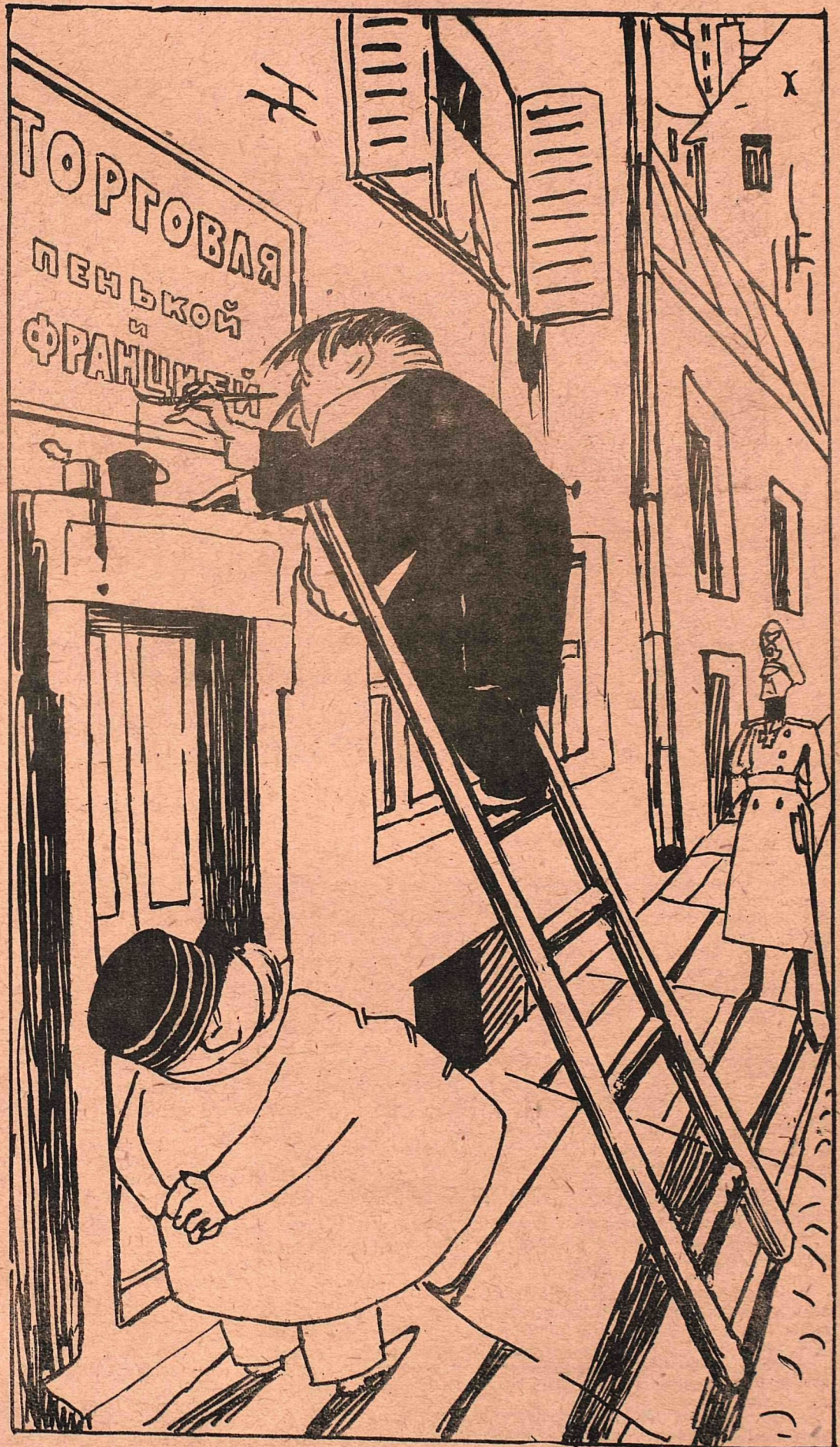
«Вручить лучшему бойцу»

Боец Н-ской части Григорий Кореванов получил посылку. На ней написано: «Действующая армия. Вручить лучшему бойцу».

В ящике красноармеец увидел записку: «Дорогой боец! Хотя я тебя и не знаю, но я с любовью посылаю тебе этот гостинец. Ешь на здоровье!» Прочитав записку, подпись и обратный адрес, боец деловито послонявил карандаш, вынул открытку и написал: «Дорогая Наталья! Хотя ты меня и не знаешь, зато я тебя хорошо знаю, и гостинец я твой съел с удовольствием. Как поживает наш сынок? Твой муж Григорий».

Н. КРАСНОЧУБ,
политрук

Действующая армия.

Расширение фирмы.

НА БЕРЛИНСКОМ КО...

Мы, четыре рядовых бойца, ехали на легкой машине, отвезили из города в штаб прибывшие подарки. Ехали мы осторожно, с оглядкой, так как знали, что впереди нас проскочило на мотоциклах десятка полтора фашистов. И вот перед нами, в перелеске, дорога разбилась на две. Мы остановили машину и не знали, по какой же дороге ехать. Пока мы думали да гадали, раздался вблизи нас резкий окрик:

— Вылезь из самоката! Кажи документы! Перед нами стояла невысокая присадистая старуха со злым лицом, меж бровей — складка, теплая кофта подвязана веревкой, темная юбка высоко подоткнута — видны болотные новые сапоги, голова по-старушечьи повязана с крива-накосом серой шалью, в руках хворостина. Самая обыкновенная деревенская бабка, таких встречаешь тысячи.

— Бабушка, — сказал я, открывая дверцу. — Скажи, пожалуйста, не знаешь ли, по какой дороге немцы на мотоциклах проскочили?

— Знаю... Документ! — напористо повторила старуха. — Опосля узнаешь и про немцев. Может, вы немцы-то и есть.

— А поди-ка ты, бабушка, знаешь куда? — раздраженно выкрикнул мой товарищ с небритыми, в рыжей щетине щеками. — Только баран, да и то не всякий, своих за немцев может принять.

— Ты зубы-то, рыжеватый, не заговаривай, — сказала старуха гневно, с подозрением косясь на небритого бойца, и, ударив хворостинкой по голенищу, крикнула: — Документ!

Мы переглянулись. Сначала нам было смешно, что какая-то баба с хворостинкой взяла да и остановила среди леса четырех вооруженных молодых. Затем, пряча улыбку, я уставился смущенным взором в большеротое лицо старухи. Из-под черных густых бровей ее глядели

властные черные глаза. В них было столько огня и какой-то подчиняющей себе воли, что я опешил и моя рука сама собой потянулась за документом.

Я протянул ей свою бумагу. Прищурилась и полукриво рог, она обнюхала удостоверение широкими волосатыми ноздрями, сложила его вчетверо и оунула за кофту.

— Верни, бабушка, документы-то! — взмолился я. — Да и дорогу поскорей укажи.

— Опосля дорогу укажу... Ну, а ты... Все, все, давайте, — наступала старуха на моих спутников.

Небритый рыжий, нервно кривя губы, сказал:

— И не подумаю. Тоже инспектор в юбке. Да вот мы тебя...

— Не больно-то меня испугаешь, рыжеватый! — закричала старуха и вытасила из кармана свисток. — А то вот свистну — из-за каждого куста по мужику выскочит с ружьями да с саблями. За каждым кустом наш партизан сидит.

Отобрав от нас документы и спрятав их за кофту, старуха скомандовала нам:

— Айда за мной! Шагайте к председателю, он разберет. А ты, ямщик, сиди в самокате; ежели вздумаешь поехать, тебя пристрелят наши как мяленького, — погрозила она хворостинкой шоферу.

Ну, что ж; ничего не поделаешь, мы по-

шли. Нам все-таки необходимо было знать, по какой дороге проскочили немцы, а упрямая старуха не хотела, пока что, нам сказать об этом.

Старуха шла впереди протоптанной среди кустарника тропинкой, слегка прихрамывая, — она была от природы колченога, — но продвигалась вперед быстро и — удивительное дело — хоть бы раз оглянулась; ей, очевидно, и в голову не приходило, что мы можем с тыла напасть на нее.

А вот и деревенька вынырнула из-за березовой рощи. Возле большой избы стояли две подводы и заседланый конь. В проем открытой амбарушки было видно, как старик в кожаном фартуке и молодой парень что-то мастерили над разобранным пулеметом; другой пулемет, тотский к действию, стоял наружу. Тут же бегали курицы, у корыта лежала свинья, окруженная поросятами, на пороге избы умывалась пестрая карноухая кошка.

— Проходи, граждане, шагай проворней, — сказала старуха.

И мы исполнились по лестнице в избу. В избе было тепло, пахло свежим хлебом и парной брюквой. За столом сидел горбоносый хозяин со строгим лицом, читал газету.

— Вот, Кузьмич, привела, — сказала бабка. — Пес их вадает, то ли немцы, то ли наши русские. Вот бумажки ихнии, проверь, — и отдай хозяину наши документы.

Стар

... К ФЮРЕРУ

— А кто этот Карл Швайне?
— Самый любимый лакей фюрера.

Все время конкурса премирован портретом выдержал — выругался.

ЗДЕСЬ МОЖНО ОТВЕСТИ ДУШУ И ВЫРУГАТЬСЯ - ЦЕНА 50 МАРК !!!

ДАМСКАЯ РУГАЛЬНЯ

МУЖСКАЯ РУГАЛЬНЯ

— Ну, если он и при чтении приказа смолчит, значит это абсолютно вежливый человек.

ПРИКАЗ
А. Гитлер

КУРСЕ ВЕЖЛИВОСТИ

руха ✓

Тот пронизывающим хозяйским глазом осмотрел нас с ног до головы, сказал:

— По обличь, кажись, наши, и одеты тоже по всем статьям правильно.

Затем внимательно и шевеля губами, прочел наши документы, опять сказал:

— И бумаги правильные, с печатями, подпись гласит верно. Однако бывает, что...

— А так бывает, что и журица пелухом запеваает, — с горячностью ввязалась бабка, — эвот намеднись русского привели, и святой хрест под рубахой, а он рыжая тварь, природным немцем оказался. Да под нашего красноармейца вырядился.

— Бывает, бывает, — вздохнув, повторил хозяин. — Всяко бывает. А ну, молодцы, вроде вам экзамена, уж не взыщите. Москву знаете? Как зовется, где звезды да луну с землей показывают?

— Планетарий, — в голос сказали мы.
— Верно, планетарий. А на какой он улице? Ну-ка...

Мы ответили.
— Верно. А как горюд Пермь теперь зовется? И что за город такой Чкалов?

Мы снова ответили без запинок. Под седыми усами хозяина заиграла самодовольная улыбка, и он уже поглядывал на нас со стариковским благодушием:

— Ну еще, уж не взыщите. Вот скажите-ка, сынки, чем клянется воин, когда присяпу приносит?

Я, быстро припомнив слова присяги, сказал:

— Воин клянется до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской родине и рабоче-крестьянскому правительству.

— Бабка Дарья, — с веселостью возгласил Кузьмич, — проводи молодцов к машине. Наши! Слышь, бабка! Пошарь-ка в шкафчике, там бутылка живительного да сметаны в кринку достань из подполья да хлеба нарежь. А ну, дорогие вонны, выпьем по чарочке да подкусим. А мой-то все партизанят. Всем семейством. До единого!

Пока бабка готовила угощенье, хозяин успел рассказать нам много любопытного:

— Побито нашими ребятами до полтораста фашистов. А вот вроде как трофей — штаны полковничьи. С отрядом забрался в нашу деревню, услышал, что девки дюже красивые у нас, ну, значит, погулять хотел. А у нас засада... Тут мы ему и показали, как в чужой земле хороводы разводить: при девках из портков вытряхнули. Он после того в лес ударился, а мы вслед ему зверовых собак науськали. То-то было много шуму и веселья!

Через четверть часа мы уже садились в машину. Возле машины стоял вооруженный партизан. Подобревшая старуха, указывая хворостинкой, проговорила:

— Вот по этой самой дороге поезжайте, ребяташки. А по той-то не ездите, — по той проклятые немцы сегодня прокапали. Ну, снастливо! Прощайте-ка!.. Уже не обесудьте... Прощай, рыжеватенький!..

Вячеслав ШИШКОВ

Так держать! ✓

Три «кукушки» на опушке
Нас хотели взять «на пушку»:
Дескать, вы окружены,
Дескать, сдаться вы должны!
Моряки не таковы,
Моряки идут «на вы».
В лес на стрекот автоматов
По траве пополз Горбатов.
Одного поймал на мушку,
Сбил другого в ту же кружку,
Третий крикнул:

— Добрый бог!
И нырнул с верхушки в мох.
Чуть кряхтя от автоматов,
Вышел из лесу Горбатов
И сказал нам:
— Так держат!
Будем сами окружать.

Александр ЯШИН

Краснознаменный Балтийский флот.

Рис. В. Горяева

КРУПП (Гитлеру):—Почему это мне верят, что я капиталист, а вам вот никто не верит, что вы социалист?..

Живые и мертвые

В СЯКИЙ маленький негодяй стремится стать большим негодяем.

Голландский Зондерван — это квислинг, набранный мелким шрифтом. Чин у Зондервана небольшой: он всего-навсего командир военизированных отрядов голландских фашистов. Но он хочет выслужиться, он хочет стать большим негодяем.

И Зондерван старается. Наднях в Гронингене он выступил с докладом. Он сказал следующее:

«Среди наших противников на Восточном фронте часто наблюдаются случаи людоедства. Однажды мне пришлось наблюдать двух русских полковников, которые ели своего ординарца».

Наши полковники сидели в блиндаже и спокойно завтракали, разрезая на мелкие порции своего вкусного ординарца. Они так увлеклись едой, что не заметили Зондервана, стоявшего поблизости. Ах, какой ординарец! Ах, какие полковники! Ах, какой дурак и негодяй этот Зондерван!

Почему Зондервану поручено было выступить публично с такой несусветной чепухой?

Чтоб получить ответ на этот вопрос, нам надо взглянуть на похороны Тойлнера. Забудьте, пожалуйста, нос! Дело в том, что Тойлнера хоронят, хоронят и никак похоронить не могут. Весь Антверпен, извините, завонял Тойлнером.

Этот молодчик — такой же Зондерван, как и сам Зондерван. Молодчик съездил на русский фронт. Оттуда он поспешно уехал, успев захватить с собой хорошую русскую плуку, которая застряла у него чуть-чуть пониже спины.

Прибыв в Антверпен, бравый вояка Тойлнер не замедлил скончаться. Тут бы его похоронить — и, как говорится, конец венчает дело.

Но покойник принадлежал к ассоциации адвокатов. Какой-то услужливый чиновник из ассоциации распорядился устроить праурную обедню.

Адвокаты, члены ассоциации, заявили протест. Дескать, собаке собака смерть и нечего гитлеровскому прихвостню устраивать обедню. Как это звучит по-голландски, мы не знаем. Но думаем, что на всех языках мира ненависть к фашистам звучит одинаково крепко и сильно.

Кроме говоря, было созвано экстренное собрание ассоциации.

А в это время мертвый фашист, не дождавшись решения общего собрания, начал сильно благоухать.

И вот собрались адвокаты и постановили: избрать новый комитет ассоциации.

Новый комитет собрался через несколько дней.

А пока что мертвый фашист лежал без погребения и отравлял воздух Антверпена.

И вот собрался новый комитет и единогласно постановил: отменить обедню, ибо собаке собака смерть и т. д.

Немецкая полиция поспешила на помощь покойнику и арестовала членов комитета ассоциации.

Немецкая полиция своими силами приступила к организации юбедни.

Этим не замедлил воспользоваться покойник, и, простите, завонял не только Антверпен, но и его окрестности.

Вот в эти дни немцы и поручили вышеупомянутому Зондервану поднять авторитет фашистов и всячески опорочить русских. Зондерван выступил со своим «докладом», в котором поведал о съеденном ординарце. Короче говоря, вслед за покойным фашистом живой фашист сделал все возможное, чтобы еще более испортить воздух в Антверпене...

Так было в Голландии. Приблизительно то же самое случилось в Бельгии. Там тоже не любят фашистов — ни живых, ни мертвых.

В городе Флери умер некий Понс, фашистский легионер. Местный священник категорически отказался участвовать в похоронах гитлеровского агента. Священник справедливо рассудил: собаке собака смерть. Как это звучит по-бельгийски, мы опять-таки не знаем. Но, видимо, хорошо звучит.

Понса хоронил германский капеллан, которому помогали германские солдаты.

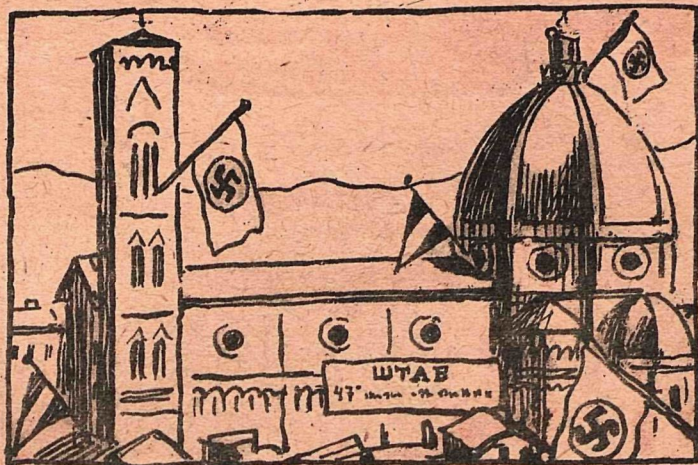
Германским капелланам в Бельгии нельзя жаловаться на безработицу. Наднях во Фламмери надо было похоронить одного фашистского бесдельника. И опять-таки местные священники отказались отправлять службу. Пришлось срочно пригласить немецкого капеллана из соседнего города.

Не любят ни живых, ни мертвых гитлеровцев. Но нам кажется, что одинаково относиться и к тем и другим нельзя. Если по справедливости рассудить, то мертвый фашист гораздо приятней живого. Даже сравнить нельзя.

Г. РЫКЛИН

ВИДЫ ИТАЛИИ
ИЛИ
ВИДЫ НА ИТАЛИЮ (НЕМЕЦКИЕ)

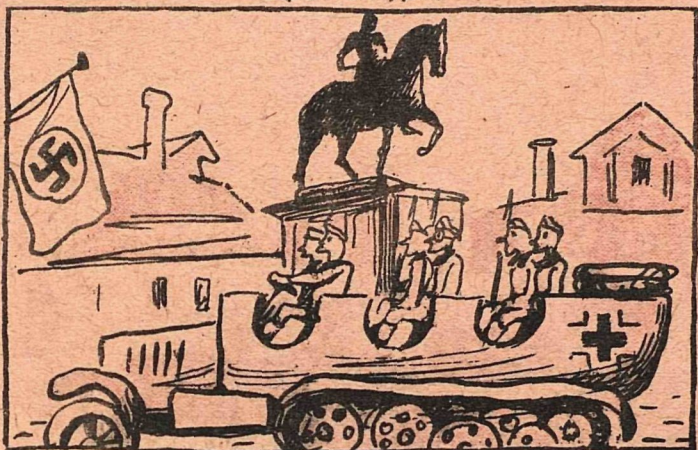
Рис. Н. Радлова

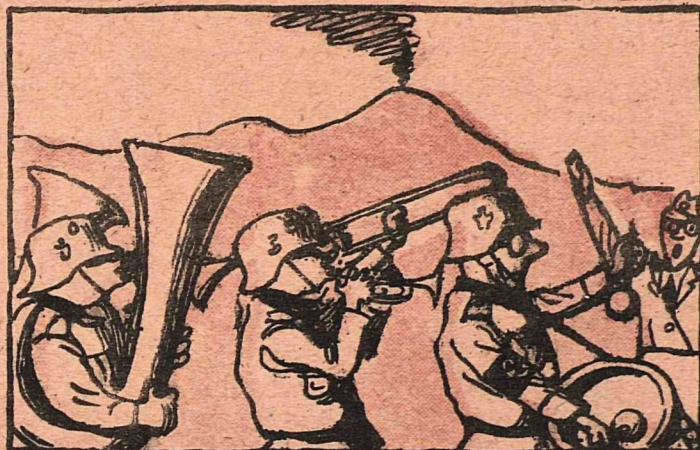
Архитектура.

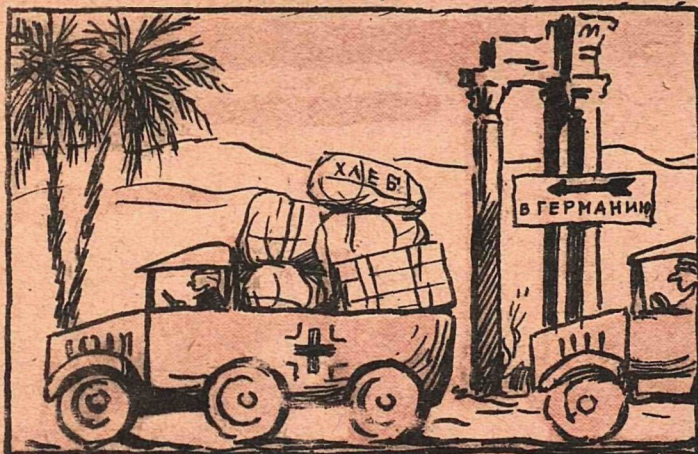
Живопись.

Скульптура.

Музыка.

Любимая еда.

Характерный тип итальянского нищего.

Метким ударом

(По страницам красноармейской печати)

САМЫЙ ДЕШОВЫЙ ЗАМЕНИТЕЛЬ

Красноармеец: — Товарищ сержант, почему в Германии одежду стали шить из газет?
Сержант: — А потому, что заместителя дешевле геббельсовской брехни в Германии еще не придумали.

(«На боевом посту».)

ЧОРТ РАЗБЕРЕТ, ГДЕ ТУТ ПЕРЕД

— Фриц, куда ты стреляешь?
— Вперед, господин лейтенант.
— Не видишь, скотина, что перед сейчас сзади!

(«Патриот родины».)

НЕ ВЕЗЕТ

— Куда собираешься, Иванов?
— За мязком.
— А этот?
— Этот... глухонемой.
— Опять глухонемой? Не везет тебе.
— Не мне, а Гитлеру!

(«Патриот родины».)

ПРОТИВ ФАКТА НЕ ПОПРЕШЬ

— Какое безобразие, Карл: перед каждым боем наш командир фон Шульц обещает нам, что это сражение будет последним!
— Что ж, командир не врет: для большинства из нас каждое сражение с русскими действительно является последним!

(«Фрунзовец».)

ВЕСЕННЯЯ МОДА

— Какая мода в Берлине этой весной?
— Та же, что и зимой: зимой отобрали у нас зимнее, весной отберут весеннее.

(«Бей врага».)

ТРАУР АВАНСОМ

— Вы, кажется, нашиваете на платье траурную ленту? Разве у вас кто-либо умер?
— Еще нет, но вчера я узнала, что мой Вилли отправлен на Восточный фронт.

(«Удар по врагу».)

СРЕДИ СНАЙПЕРОВ

— В каких случаях нельзя стрелять в фашистов?
— Только в двух: когда их перед тобой еще нет или когда их уже нет.

(«Удар по врагу».)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

А 50393

Москва. Изд. № 377.

Подписано к печати 25 V 1942 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1353. Тираж 200 000 экз.

Рис. К. Елисева

ОБЛ. ЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 Журн.
 № 10
 10 ИЮН 1942
 Всех Кни Паялы Получены

Период и серия	„Лет...“
Получ. в ред.	
Сдан архив	10/VI 12/VI

Железная панка Деревяга

часть 1а

Панку потеряли, но попали в переплет.